

ПРЕДМЕТЪ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

(Изъ критическихъ очерковъ по вопросамъ гомилетики).

(Окончаніе ¹⁾).

VIII.

Единственный предметъ проповѣди есть ученіе Господа нашего Іисуса Христа, изложенное въ писаніяхъ святыхъ апостоловъ и изъясненное въ церковномъ ученіи. Но что же такое церковность, или богослуженіе, священная исторія, собственно церковная, такъ какъ библейская обнимается священнымъ Писаніемъ, и, наконецъ, явленія міра физическаго и текущей жизни, если это не предметы проповѣди, какъ они называются въ нашихъ гомилетикахъ, и какое они отношеніе имѣютъ къ проповѣди?

Священное Писаніе должно быть излагаемо въ проповѣди, какъ это легко понять и какъ это будетъ разъяснено ниже, примѣнительно къ состоянію слушателей, въ связи съ интересами и обстоятельствами ихъ жизни. Состояніе слушателей можетъ быть чрезвычайно разнообразно и обстоятельства ихъ жизни—весьма многообразны; однако нѣкоторыя стороны и формы жизни христіанскаго общества, въ связи съ которыми должна стоять проповѣдь, могутъ быть указаны опредѣленно. Такова церковность, или церковная форма жизни. Христіанское богослуженіе обнимаетъ и всю жизнь христіанъ и всю христіанскую вѣру. Церковь освящаетъ молитвой каждый шагъ нашей частной и общественной жизни:

¹⁾ См. Январь 1903 г. стр. 40—63.

она посвящаетъ каждый день года и даже часы дня священо-историческимъ воспоминаніямъ, въ которыхъ такъ или иначе выражаются истины вѣры; церковное богослуженіе всецѣло проникнуто исторически-символическимъ смысломъ и наглядно воспроизводитъ предъ зрителемъ въ священодѣйствіяхъ и священныхъ изображеніяхъ исторію христіанской вѣры, раскрываетъ ему въ пѣснопѣніяхъ и молитвословіяхъ, символахъ и обрядахъ тайны вѣры, дѣйствуетъ искусствомъ — архитектурой, пѣніемъ, изображеніями на его чувство, утѣшаетъ его въ горестяхъ, усмиряетъ въ немъ страсти, вызываетъ въ немъ покаяніе, питаетъ надежду. Богослуженіе составляетъ значительную часть духовной жизни христіанъ и проповѣдникъ, обязанный внимательно слѣдить за содержаніемъ духовной жизни своихъ слушателей, долженъ всегда имѣть въ виду ту сторону ихъ жизни, которая образуется богослуженіемъ. Но богослуженіе частью отвѣчаетъ временнымъ потребностямъ христіанъ, частью же благоразумно распредѣляется церковью по временамъ собственно церковнаго года. Посему богослужебныя времена имѣютъ для проповѣдника значеніе указанія того, когда о чемъ онъ долженъ проповѣдывать. Уже изясненіе священнаго Писанія можетъ стоять въ связи съ чтеніемъ Слова Божія за богослуженіемъ. Тѣмъ болѣе поученія должны отвѣчать временамъ церковной жизни христіанскаго общества: излагать въ проповѣди евангельское ученіе о постѣ и покаяніи благовременно тогда, когда церковь воспитываетъ своихъ чадъ постомъ, когда они по требованію церковной жизни сокрушаются о грѣхахъ своихъ; апостольское ученіе о воскресеніи Господа Иисуса Христа слѣдуетъ преимущественно излагать тогда, когда церковь торжествуетъ память этого событія ¹⁾ и т. д. Таково отношеніе церковности къ проповѣди. Тѣмъ менѣе событія гражданской жизни и физическія условія, среди которыхъ живутъ христіане, составляютъ предметъ проповѣди ²⁾, но это также суть точки со-

¹⁾ См. Архіеп. Иннокентія Х. поученія на седмицы первую В. П., Страстную, Свѣтлую и др.

²⁾ Проповѣдникъ не изъ событийъ почерпаетъ наставленія, но на событія *проливаетъ свѣтъ* Слова Божія (Амвросія Арх. Харьк. *Проповѣди*, изд. 1895, стр. 376). Такого отношенія проповѣдниковъ къ событіямъ не измѣняетъ не только та „важность и поучительность“ событія, о кото-

прикосновенія общаго содержанія проповѣди съ дѣйствительною жизнью, придающія ей современность и живость, при чемъ событія гражданской исторіи и явленія міра физическаго составляютъ для проповѣдника указаніе времени, когда с чемъ говорить, лишь въ той степени, въ какой они входятъ въ составъ дѣйствительной жизни слушателей. дѣйствительно переживаются ими (событія исторіи—въ воспоминаніяхъ).

Для уясненія разсматриваемаго нами вопроса обратимся еще разъ къ соотвѣтствующему отдѣлу Руководства Таворова. Этотъ отдѣлъ въ Руководствѣ распадается на двѣ части: первая отвѣчаетъ на вопросъ, что вообще можетъ и должно входить въ область проповѣдическаго ученія, а вторая разъясняетъ, когда что удобнѣе и нужнѣе предлагать народу съ церковной кафедры. Очевидно, только первая изъ нихъ отвѣчаетъ на вопросъ о матеріи проповѣдической, вторая же говоритъ только о выборѣ предметовъ сообразно съ временами и обстоятельствами (современность проповѣди). Но знаменательно, что авторъ, указавъ въ первой части, кромѣ изъясненія священнаго Писанія и истинъ догматическихъ и нравственныхъ, на церковную обрядность, священную исторію, явленія природы, исторію гражданскую и современныхъ событія, во второй части также говоритъ о временахъ церковныхъ, обстоятельствахъ церковно-гражданскихъ, явленіяхъ міра физическаго и современныхъ событіяхъ общественной жизни, т. е. онъ два раза говоритъ объ одномъ и томъ же. Если же говорить два раза объ одномъ и томъ же одно и то же нѣтъ смысла и приходится для разсматриваемыхъ предметовъ выбирать одно мѣсто изъ двухъ въ гомилетикѣ, то, конечно, такимъ мѣстомъ можетъ быть только отдѣлъ о современности проповѣди.

Въ частности о церковности должно еще замѣтить, что она сама по себѣ, безъ отношенія къ проповѣди, есть воспитаніе воли и чувства чадъ церкви ¹⁾. Назначая времена для праздниковъ и постовъ, опредѣляя роды пищи и сте-

рой говорятъ наши гомилетики и о чемъ рѣчь у насъ будетъ ниже, но даже и то, что нѣкоторыя событія имѣютъ значеніе знаменій времени (Ibid. стр. 381 сл.).

¹⁾ См. слово Амвросія Арх. Харьк. о значеніи храма въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія.

пени воздержанія, сопровождаая молитвой каждый шагъ христіанина, напоминая ему ежедневно образцы христіанскаго подвижничества и всѣми вообще своими установленіями церковь, дѣйствуя всюду благодатью, воспитываетъ, укрѣпляетъ и развиваетъ волю своихъ членовъ; воспѣвая художественно составленныя пѣснопѣнія, то торжественныя и радостныя, то умиленные и покаянныя, прославляя милости Божіи, восхваляя терпѣніе праведниковъ, воспроизводя духовную жизнь и духовный міръ въ священно-художественныхъ изображеніяхъ, также благолѣпіемъ храмовъ, торжественностью церемоній церковь воспитываетъ ихъ чувство. Итакъ церковность, какъ дисциплина и искусство, существуютъ не въ качествѣ предмета поученій, а на ряду съ проповѣдью, достигая иными путями, именно чрезъ дѣйствіе на волю и чувство, того же, чего достигаетъ проповѣдь чрезъ наученіе: тамъ церковь дѣйствуетъ чрезъ правителей и совершителей богослуженія, здѣсь чрезъ апостоловъ и учителей ¹⁾. Церковность не обременяетъ проповѣдника какъ новый, кромѣ священнаго Писанія, предметъ наученія, но содѣйствуетъ ему въ достиженіи единой цѣли—совершенія святыхъ. Да если бы церковность была предметомъ проповѣдническаго наученія, то это былъ бы предметъ по-истинѣ неисчерпаемый: развѣ есть какая либо возможность изъяснить въ проповѣдяхъ всѣ пѣснопѣнія и молитвословія, всѣ обряды и священнодѣйствія, всѣ символы и священныя изображенія, все содержаніе пролога и четіихъ миней? Все, что излагается обычно изъ этой области въ проповѣдяхъ—изъясненіе литургіи, нѣкоторыхъ, случайно избранныхъ отрывковъ изъ пѣснопѣній, житіе нѣкоторыхъ святыхъ или извѣстнѣйшихъ, какъ св. Николая Чудотворца, св. Алексія Божія челоуѣка, или такихъ, которые имѣютъ исключительное значеніе для мѣстнаго храма,—вѣдь все это есть только капля въ морѣ всей церковности.

¹⁾ Церковныя законоположенія, уставы и правила только объявляются церковною властью, чтобы всякому были извѣстны (Б. В. 1896, III, 35), и составляютъ соблюдаемую практику, тогда какъ собственно вѣра есть предметъ наученія, потому что она требуетъ разумѣнія (ср. Б. В. 1896, II, 340 прим. 1) и даетъ челоуѣку міропониманіе.—Нужно также помнить, что церковность обнимаетъ и самоназиданіе членовъ церкви (Ефес. V, 19 и др.).

Уже одна эта неисчерпаемость не позволяетъ видѣть въ церковности предметъ проповѣди. Правда, лучше чтонибудь, хотя капля, чѣмъ ничего. Но въ томъ и дѣло, что съ церковностью учителю и дѣлать нечего: изложеніемъ въ поученіи пѣснопѣнія, обряда, житія святого учитель не можетъ достигнуть малѣйшей доли тѣхъ результатовъ, которые достигаются самымъ обрядомъ, пѣніемъ, празднованіемъ¹⁾. Ужели къ торжеству Пасхи прибавить что либо изложеніе въ поученіи пѣсни „Христось воскресе“? (Нужно помнить, что извѣстное поученіе св. Іоанна Златоустаго на Пасху есть само торжественная пѣснь: въ немъ говоритъ не учитель, а священнодѣйствователь). Ужели къ тому умиленію, которое охватываетъ наше сердце и наполняетъ его при пѣніи „Се женихъ грядеть“, можетъ что либо прибавить изъясненіе сего пѣснопѣнія въ поученіи? Развѣ рѣдкость, что поученіе, вторгаясь не въ свою область, охлаждаетъ чувства, вызваннаго богослуженіемъ²⁾?...

Но все это, скажутъ намъ, было бы вѣрно, если бы богослуженіе было понятно для народа, тогда какъ на дѣлѣ этого нѣтъ: пѣснопѣнія и священнодѣйствія, чтобы дѣйствовать на чувство слушателей и зрителей, должны быть предварительно изъяснены имъ. Здѣсь широкое поле для дѣятельности церковнаго учителя. Различать же въ данномъ случаѣ, скажутъ далѣе, священнодѣйствителя отъ учителя, относя къ обязанности перваго изъяснять богослуженіе, а къ обязанности втораго—проповѣдывать Слово Божіе, значитъ строить воздушные замки: были у евреевъ священники и пророки, были въ первобытной христіанской

¹⁾ Ср. отвѣтъ Арх. Никанора на вопросъ: „Понимаютъ ли простые рускіе люди что-либо въ поэзіи христіанства, что либо въ своей церковности? Понимаютъ. Разумѣютъ вѣру Христову не столько умомъ, сколько вообще духомъ... молятся не столько умомъ, сколько духомъ... Непонимающіе-то больше и радуются (торжественнымъ церковнымъ символамъ)“... (*Поученія*, т. III, стр. 265 стѣд.).

²⁾ Извѣстно, что самыя поученія раздѣляются на торжественныя и собственно учительныя. Изъ нихъ первыя имѣютъ характеръ церковныхъ пѣснопѣній и входятъ въ составъ богослуженія органически. Но здѣсь мы этого различія не касаемся, потому что самый вопросъ о предметѣ проповѣди даетъ разумѣть учительныя слова, а не торжественныя. Съ своей стороны мы изъ понятія проповѣди совершенно исключаемъ слова торжественныя: объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

церкви одни апостолами, другіе пастырями, иные правителями, иные учителями, можетъ быть и у насъ, даже въ ближайшемъ будущемъ, обязанности учительства будутъ сняты съ пастырей: въ виду многосложности ихъ правительственной и богослужебной дѣятельности, и будутъ возложены на особыхъ учителей, которые посвящали бы проповѣди всю свою дѣятельность, подобно какъ нынѣ есть особые миссіонеры, что вполне соответствовало бы высокому значенію проповѣди ¹⁾; но во всякомъ случаѣ нынѣ священнодѣйствователь и учитель одно лицо и на немъ одномъ лежитъ долгъ проповѣдывать евангеліе и изъяснять богослуженіе. Въ этомъ замѣчаніи, должны мы сознаться, много правды. Однако, выяснять истину слѣдуетъ, не обращая вниманія на установившуюся практику: уясненною истиною должна опредѣляться практика, а не уясненіе истины практикою. Мы имѣемъ свою задачу выяснить идею проповѣди—ни болѣе, ни менѣе. Да и едва-ли можно сказать, что уясняемая нами идея проповѣди не имѣетъ практическаго примѣненія въ разсматриваемомъ отношеніи. Если богослуженіе не составляетъ предмета проповѣди, но все-же должно быть изъясняемо для народа, то изъясненіе богослуженія должно производиться безъ малѣйшаго ущерба для проповѣднической дѣятельности: вотъ практическій выводъ, который одинъ мы считаемъ достаточнымъ для оправданія важности выше изложенныхъ разсужденій объ отношеніи богослуженія къ проповѣди. Богослуженіе должно быть понятно для народа: пусть же оно, прежде всего, совершается на понятномъ для народа языкѣ; пусть далѣе пастырь совершаетъ богослуженіе истово, раздѣльно, ясно; пусть онъ привлекаетъ народъ къ участию въ богослуженіи—и тогда богослуженіе будетъ понятно для народа само по себѣ ²⁾. Затѣмъ есть еще средство для изъясненія церковности народу—школа и книги. Проповѣдь не можетъ быть замѣнена школой и книгами, она должна быть живою рѣчью пастыря и въ этомъ своемъ значеніи требуетъ особаго вниманія его; а для изъ-

¹⁾ Ср. Н. И. Барсова *Нѣсколько изслѣд. ист.*, 1899 г., стр. 28--29.

²⁾ См. Архіеп. Никанора *Поученія* т. 5, изд. 1891 г., стр. 263--264. Будемъ помнить, что богослуженіе въ значительной степени объясняетъ само себя—догматическимъ и историческимъ содержаніемъ пѣснопѣній, синаксалями и т. п.

ясненія богослуженія школа и книга—наилучшія средства. Наконецъ, мы не говоримъ, что пастырю не позволено изъяснять богослуженіе: какъ совершитель богослуженія, онъ обязанъ и изъяснять его; но пусть, изъясняя богослуженіе, онъ не думаетъ, что исполняетъ проповѣдническій долгъ, какъ не думаетъ, что, пиша метрическія книги и предбрачные обыски, онъ не обязанъ писать проповѣдей. Если онъ въ теченіе пяти лѣтъ посвящаль свои проповѣди исключительно изъясненію символическаго смысла богослуженія, изложенію пролога и четіихъ миней, и спросить себя въ концѣ пятаго года, много ли онъ сдѣлалъ за это время для изложенія народу ученія Господа нашего Исуса Христа, т. е. какъ проповѣдникъ, то отвѣтъ можетъ быть одинъ: ничего. Этотъ практическій выводъ гомилетика нашего времени должна раскрывать съ особенною настойчивостью, потому что нынѣ обычное явленіе какъ то, что у насъ проповѣди сказываются только за богослуженіемъ, только по праздникамъ, такъ и то, что содержаніемъ этихъ проповѣдей служить исторія праздника и житіе празднуемаго святого. Такимъ образомъ прихожане изъ года въ годъ выслушиваютъ по временамъ сказанія пролога и четіихъ миней о жизни св. Фоки, именуемаго вертоградаремъ, преп. Спиридона, просфорника печерскаго, св. Іоанна Кушвика, узнають о томъ, какъ былъ обрѣтенъ крестъ Христовъ, съ какого времени христіане стали особенно торжественно праздновать Срѣтеніе Господне, по какому случаю установленъ праздникъ происхожденія честныхъ древъ креста Господня и пр., а въ то же время остаются невѣждами въ ученіи Господа нашего Исуса Христа. Вотъ предъ нами Прологъ и Четіи Миней въ поученіяхъ свящ. В. Гурьева въ 5 книгахъ—назидательное *чтеніе*, но прочитайте ихъ внимательно и вы увидите, что эти поученія не только не исчерпываютъ ученія Господа Христа, но и черпаютъ изъ него лишь случайно и потому не могутъ замѣнить благовѣствованія Христова ¹⁾...

¹⁾ Если читатель не согласится на признаніе Слова Божія единственнѣмъ предметомъ проповѣди, то и въ этомъ случаѣ наши разсужденія сохраняютъ полное значеніе для различенія въ проповѣди необходимаго отъ возможнаго, главнаго отъ второстепеннаго.

IX.

Единственный предметъ проповѣди есть ученіе Господа нашего Иисуса Христа, которое принято и преподается церковью въ писаніяхъ св. апостоловъ; но чтеніе Слова Божія не составляетъ проповѣди; проповѣднику нужно изъяснять и излагать священное Писаніе, поэтому полнымъ и истиннымъ ручательствомъ вѣрности проповѣди Слову Божию можетъ служить не буква Новаго Завѣта, а его духъ: *потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. III, 6). Такъ мы переходимъ къ вопросу о духѣ, или внутреннемъ характерѣ проповѣди.

Этотъ вопросъ не долженъ быть отрываемъ отъ вопроса о содержаніи проповѣди, какъ это дѣлаютъ наши гомилеты: эти два вопроса совпадаютъ въ одинъ и отвѣтъ на нихъ—одинъ: проповѣдь есть не что иное, какъ изъясненіе и изложеніе Слова Божія, и духъ проповѣди есть духъ Слова Божія. Въ этомъ случаѣ мы можемъ сказать словами проф. Амфитеатрова: „надлежитъ намъ быть крѣпко убѣжденными въ томъ, что наше витійство должно быть ни болѣе, ни менѣе, какъ только раскрытая и объясненная библия... Внутренній подлинный характеръ церковнаго собесѣдованія состоитъ въ точномъ выраженіи духа библии“ (§§ 199. 203) ¹⁾.

Наши гомилетики, излагая эти два вопроса вполне раздѣльно, не довольствуются указаннымъ принципомъ раскрытія духа проповѣди, но однѣ кромѣ него, а другія, не упоминая о немъ, называютъ въ качествѣ такого принципа нѣчто иное. совершенно особое отъ содержанія проповѣди,—и въ этомъ ихъ крупный недостатокъ. При этомъ Амфитеатровъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе полагаютъ центръ тяжести этого отдѣла гомилетики въ формальной сторонѣ и посему отдѣлъ этотъ поражаетъ читателя крайнею искусственностью. Этотъ недостатокъ у Амфитеатрова искупается нѣсколько содержательностью: онъ обнаруживаетъ глубокое пониманіе духа церковно-библейскаго и въ этомъ отношеніи страницы, на которыхъ онъ изслѣдуетъ внутренній характеръ пропо-

¹⁾ Изъ позднѣйшихъ гомилетикъ это особенно цѣнная мысль Гомилетики Амфитеатрова удержана только у Поторжинскаго (§ 10).

вѣди, являются лучшими въ его Гомилетикѣ, не потерявшими значенія и до нашего времени; другія же гомилетики и прежде всего Руководство Фаворова заимствовали отъ Амфитеатрова только искусственную схему и, такимъ образомъ, создали въ гомилетикѣ отдѣлъ, который, преимущественно предъ другими отдѣлами ея, вызываетъ въ читателѣ презрительную улыбку.

Проф. Амфитеатровъ „положительнымъ началомъ, изъ котораго долженъ развиваться характеръ церковнаго собесѣдованія“, называетъ а) духъ библіи, б) духъ церкви и в) отношеніе сего духа къ духу поучаемаго народа, но на ряду съ этимъ онъ, въ соотвѣтствіе съ тройкою цѣлью собесѣдованія, указываетъ три главные признака, изъ коихъ слагается внутренній характеръ собесѣдованія: I) назидательность для ума, II) убѣжденіе для воли и III) помазаніе для сердца. Соединяя указанное начало съ этими признаками, онъ создаетъ такую схему: I) назидательность: А) религіозность, или духъ библейскій: а) святость, б) истинность, в) спасительность; Б) православіе: а) святость, б) истинность, в) спасительность и (по другому подраздѣленію) 1) православіе библейское, 2) православіе догматическое, 3) православіе практическое, 4) православіе обрядовое и каноническое; В) народность; II) убѣжденіе воли, или убѣдительность; III) помазаніе: а) евангельская благодать, или пріятность, б) животворность, в) питательность, г) трогательность, д) строгость пророческая, е) возвышенность и быстрота, ж) глубокость, з) власть и сила апостольская, и) кротость отеческая, j) простота, к) искренность, л) обиліе и м) разнообразіе.—Недостатки этой схемы состоятъ въ слѣдующемъ. По этой схемѣ народность теряется среди множества свойствъ библейскаго духа, между тѣмъ народность есть свойство библіи и проповѣди совершенно особенное отъ всѣхъ остальныхъ свойствъ духа библіи, такъ что всѣ перечисленные свойства, за исключеніемъ народности, слѣдуетъ обобщить въ одной рубрикѣ, а народность обособить въ другую рубрику: свойства первой группы суть свойства неизмѣннаго библейскаго духа, а народность библіи остается народностью проповѣди только измѣняясь по условіямъ мѣста и времени, первая—это неизмѣнное въ проповѣди, вторая—постоянно текучее, первая характеризуютъ общее въ проповѣди, вторая частное, первая соста-

вляють объективное начало, вторая—субъективное¹⁾. Затѣмъ авторъ излишне называетъ въ качествѣ принципа раскрытія духа проповѣди на ряду съ духомъ библіи еще духъ церкви, такъ какъ, по его же собственнымъ словамъ, „духъ и ученіе православной церкви нашей суть тѣ же самыя, какія въ св. Писаніи; поэтому и общія свойства православія, кои должно выражать церковное собесѣдованіе, суть тѣ же самыя, что въ выраженіи духа библейскаго“ (§ 212).—Кромѣ духа библіи въ Гомилетикѣ Амфітеатрова называются еще назидательность для ума, убѣжденіе для воли и помазаніе для сердца, какъ главные признаки внутренняго характера проповѣди, которымъ онъ однако придаетъ принципиальное значеніе, такъ что даже духъ библіи въ его схемѣ показывается лишь въ смыслѣ частнаго проявленія назидательности. Не говоримъ о томъ, что отъ этого схема становится спутанною и принципъ библейскаго духа не выдерживается: но спросимъ, какое основаніе имѣетъ авторъ вводить въ эту схему отношенія проповѣди къ уму, сердцу и чувству слушателей. Расчлененіе дѣйствія проповѣди на частныя отношенія къ уму, сердцу и чувству можетъ имѣть реальное, а не фиктивное, значеніе только въ томъ случаѣ, если проповѣдь назидательна вполнѣ иными свойствами, чѣмъ какими она дѣйствуетъ на волю и чувство. Если бы проповѣдь передавала евангельское ученіе въ художественной формѣ, то она сверхъ библейской назидательности (для ума) имѣла бы еще новыя свойства, которыми дѣйствовала бы на чувство; если бы, опредѣлениѣе, художественность проповѣди имѣла форму ораторской рѣчи, то проповѣдь сверхъ библейской назидательности имѣла бы еще свойства, которыми она дѣйствовала бы на волю. Въ противномъ случаѣ расчлененіе фиктивно: расчлененіе фиктивно, если проповѣдь дѣйствуетъ на чувство и волю тѣми же свойствами, какими она дѣйствуетъ и на умъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Нужно имѣть въ виду, что помимо нарочитой трогательности, какую рѣчь приобрѣтаетъ вслѣдствіе художественной формы, и нарочитой убѣдительности вслѣдствіе опредѣленной художественной формы, именно ораторской, и простая рѣчь можетъ быть трогательна и убѣдительна по самому своему

¹⁾ Одно относится къ содержанію, другое къ формѣ.

существенному содержанію. Вы непременно тронете сердце человѣка, если будете говорить о предметахъ близкихъ къ его сердцу,—если будете говорить о дѣтяхъ любящему отцу, о богатствѣ жадному, о духовномъ благѣ ищущимъ спасенія; ваша простая рѣчь будетъ убѣдительна для слушателя, если предметъ рѣчи способенъ подвинуть его на дѣйствіе, если вы будете говорить о зарытомъ кладѣ жадному, о требующемъ помощи страдальцѣ сердобольному. Въ этомъ смыслѣ евангеліе въ высшей степени трогательно и убѣдительно, потому что оно говоритъ о милосердіи Божиёмъ, объ искупительныхъ страданіяхъ Христа, о страшномъ грядущемъ судѣ, зоветъ насъ ко спасенію, къ вѣчному благу, говорить о предметахъ, которые имѣютъ непреходящій интересъ, которые дороги человѣку по его природѣ и которые на самомъ дѣлѣ близки сердцу многихъ ¹⁾. Излагая ученіе Господа Іисуса Христа, научая евангелію, проповѣдь является трогательною и убѣдительною по самому своему содержанію. но въ этомъ смыслѣ трогательность и убѣдительность проповѣди, какъ вполне зависящія отъ предмета наученія, совпадаютъ съ свойствами проповѣди какъ наученія, т. е. съ тѣми свойствами, которыя обобщаются въ назидательности. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что иногда къ простой рѣчи привходитъ убѣдительность, какъ свойство и дѣйствіе воли говорящаго, а не какъ свойство собственно рѣчи. Не одна только палка въ рукахъ говорящаго можетъ придать стороннюю убѣдительность его рѣчи; громадную силу убѣжденія можетъ имѣть психическое вліяніе воли на волю, которое какъ свойство воли должно быть отличаемо отъ свойствъ самой рѣчи. Въ проповѣдничествѣ, какъ мы видѣли выше, психическое вліяніе воли требуется самымъ существомъ дѣла и можетъ обнаруживаться въ широчайшихъ размѣрахъ; но это свойство воли проповѣдника не должно ставить въ число свойствъ проповѣднической рѣчи, — эту убѣдительность воли слѣдуетъ отличать и отъ той убѣдительности, какую проповѣдь имѣетъ по своему содержанію, и отъ той

¹⁾ Что для насъ свящ. писаніе? спрашиваетъ Архіеп. Димитрій (т. 2. 1889 г., стр. 243). Это утѣшительная вѣсть съ неба, истиннаго отечества нашего; это милостивое письмо Царя Небеснаго къ намъ грѣшнымъ и т. д.

убѣдительности, которую она могла бы имѣть, если бы обладала художественною формою ораторской рѣчи. Обращаясь къ Гомилетикѣ проф. Амфитеатрова, мы видимъ, что подъ убѣдительностью онъ съ полною ясностью и опредѣленностью разумѣетъ не свойство проповѣди, а свойство проповѣдника. „Свойство и сила истинно христіанскаго убѣжденія, пишетъ онъ, не слишкомъ много зависятъ отъ искусства и науки. На волю дѣйствуетъ только воля; духовная сила воли, которою обладаетъ дѣйствующій, преодолеваетъ и влечетъ къ своей цѣли волю тѣхъ, на кого устремлено дѣйствіе. Отсюда и характеръ истинно христіанскаго убѣжденія воли есть ни больше, ни меньше, какъ подлинный характеръ истинно христіанской воли въ самомъ проповѣдникѣ. Убѣждаетъ тотъ, кто обладаетъ христіанскою волею, говоритъ ли онъ много или мало, или даже совсѣмъ не говоритъ“ (§ 225). Очевидно, такое убѣжденіе, если оно можетъ быть безъ рѣчи, не есть собственно свойство проповѣди, какъ слова. Вънѣ же отдѣла объ убѣжденіи воли авторъ подъ убѣдительностью проповѣди разумѣетъ свойство, совпадающее съ назидательностью ¹⁾; равнымъ образомъ и подъ трогательностью, которую онъ называетъ помазаніемъ, онъ не разумѣетъ той характеристичной и, такъ сказать, нарочитой, или преднамѣренной трогательности, которая есть проявленіе искусства, но разумѣетъ свойство содержанія проповѣди, т. е. снова совпадающее съ назидательностью. Такимъ образомъ, онъ не имѣетъ никакого основанія (какъ и на самомъ дѣлѣ не должно) расчленять дѣйствіе проповѣди на отношенія къ уму, сердцу и волѣ; да и самъ онъ съ цолною ясностью выражаетъ ту мысль, что проповѣдь назидательна тѣми же свойствами, по какимъ она убѣдительна и трогательна. „Назидательность, замѣчаетъ онъ, есть главное и общее свойство церковнаго собесѣдованія, относящееся и къ уму, и къ волѣ, и къ сердцу слушателя“ (§ 201); равнымъ образомъ и о помазаніи онъ пишетъ; „помазаніе вообще означаетъ, что собесѣдованіе на-

¹⁾ О. Поторжнскій нераздѣльно говоритъ въ отдѣлѣ объ убѣдительности и о томъ „дѣйствіи на волю другого, которое зависятъ съ одной стороны отъ предмета, а съ другой отъ душевныхъ качествъ говорящаго и отношеній его къ слушающему“, и о томъ, для котораго „требуется такое изображеніе предмета, которое поражало бы чувство и располагало слушателя къ дѣйствію“ (§ 13).

питано духомъ христіанскимъ; оно одно сообщаетъ жизнь и подлинный характеръ и истинной назидательности и истинному убѣжденію воли“¹⁾ (§ 231). Что же остается отъ всей схемы, въ которой проф. Амфитеатровъ раскрываетъ внутренній характеръ собесѣдованія? Только слѣдующее: единственное „положительное начало, изъ котораго долженъ развиваться характеръ церковнаго собесѣдованія“, есть духъ библіи; всѣ „признаки, изъ которыхъ слагается внутренній характеръ собесѣдованія“, суть только свойства духа библіи, которыя могутъ быть раскрыты только путемъ проникновенія въ него, путемъ изученія и опытнаго постиженія евангельскаго духа, безъ всякихъ предвзятыхъ формулъ. Въ изученіи же евангельскаго духа Гомилетика Амфитеатрова можетъ оказать значительную услугу: изъ отдѣльныхъ чертъ библейскаго духа имъ, съ глубокимъ пониманіемъ дѣла, указываются: святость, истинность, спасительность, пріятность, животворность, питательность, трогательность.

Гомилеты, послѣдовавшіе за Амфитеатровымъ, заимствовали у него главнымъ образомъ схему въ ущербъ содержанію; но при этомъ они должны были оказаться въ затрудненіи. У проф. Амфитеатрова указано очень много признаковъ внутренняго характера проповѣди съ явнымъ усиленіемъ придать нѣкоторымъ изъ нихъ значеніе принциповъ, изъ которыхъ прочіе вытекали бы, какъ дерево вырастаетъ изъ корня; но очевидно, что его схема спутанна, и разобраться въ ней трудно. Изъ такого затрудненія послѣдователи Амфитеатрова выпутываются такимъ образомъ: каждый изъ нихъ съ полнымъ произволомъ избираетъ изъ этого множества признаковъ нѣсколько, обычно три (священное число!), которымъ придается принципиальное значеніе, затѣмъ изъ остальныхъ признаковъ нѣкоторые (лучше по три) подводятся подъ принципы. Такъ въ Руководствѣ Фаворова мы находимъ такую схему: I) назидательность: а) святость, б) истинность и с) спасительность; II) убѣдительность: а) священное достоинство, б) пастырская настойчивость и с) увѣ-

¹⁾ Говоря конкретнѣе: безъ святости, истинности и спасительности проповѣдь не можетъ быть трогательною; а безъ животворности, питательности и пр. проповѣдь не можетъ быть назидательною. Такъ громоздкая схема рушится сама собою.

ренность; Ш) животворность: а) помазанность, б) трогательность и с) умиленность; въ Краткой гомилетикѣ Поторжинскаго: I) духъ библейскій: а) святость, истинность и спасительность; II) духъ православія и Ш) народность; помимо того: видимые признаки истиннаго характера проповѣди: назидательность, животворность и убѣдительность. Въ гомилетикахъ XX столѣтія мы уже встрѣтимъ такую схему: I) святость: а) духъ библейскій, православіе и отношеніе сего духа къ духу народа; II) истинность: назидательность, убѣдительность и животворность; Ш) спасительность: помазаніе, умиленность и трогательность и пр. Предѣла для разнообразія здѣсь не предвидится, потому что нѣтъ подъ ногами почвы и всѣ построенія висятъ на воздухѣ...

X.

Утверждая, что духъ проповѣди есть не что иное, какъ духъ Слова Божія, мы тѣмъ самымъ говоримъ, что изслѣдованіе сего духа не составляетъ собственной задачи гомилетики: ея дѣло уяснить принципъ — указать на то, что проповѣдь должна воплощать въ себѣ духъ Слова Божія, а каковъ духъ библии, это кандидатамъ священства должно излагаться въ наукѣ изъясненія Слова Божія, проповѣдникамъ же открывается изъ самого Слова Божія, которое они должны читать непрерывно и неустанно. Однако, если бы гомилетика занялась этимъ предметомъ, она погрѣшила бы только нарушеніемъ границъ между богословскими науками, но во всякомъ случаѣ это предметъ въ высшей степени важный и достойный самаго внимательнаго изслѣдованія. Въ виду сего, а равно принимая во вниманіе и то, что при систематическомъ изъясненіи Слова Божія за частностями и подробностями, за отдѣльными событіями евангельской исторіи и текстами, можетъ ускользнуть отъ вниманія учениковъ общее и существенное—духъ Слова Божія, мы предлагаемъ здѣсь вниманію учащихъ краткое раскрытіе духа новозавѣтнаго Слова Божія.

Характеръ своего ученія опредѣлили Самъ Господь Іисусъ Христосъ такъ: *духъ животворитъ: плоть не пользуетъ ни мало. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь* (Іоан. VI, 63).

Слова Господа Іисуса Христа суть духъ. Припомнимъ, какъ Онъ изъяснялъ заповѣди Ветхаго Завѣта, сравнимъ Его ученіе о постѣ, субботахъ, умовеніи рукъ, поклоненіи Богу съ взглядами на эти предметы людей ветхозавѣтныхъ и особенно книжниковъ и фарисеевъ, и мы легко поймемъ, почему Его ученіе называется духомъ. Ветхій Завѣтъ запрещалъ прелюбодѣйствовать, а Господь Іисусъ Христосъ воспрещаетъ даже вождельніе; ветхозавѣтные люди постились, чтобы показаться постящимися людямъ, а Господь Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ намъ постъ не предъ людьми, а предъ Отцемъ Небеснымъ, Который втайнѣ; книжники и фарисеи придавали великое значеніе умовенію рукъ и чашъ и вообще преданіямъ старцевъ относительно внѣшней чистоты, а Господь Іисусъ Христосъ училъ, что внѣшнее не можетъ осквернять человѣка, а оскверняютъ его исходящія изъ сердца злыя помышленія; ветхозавѣтное богослуженіе было обрядовымъ, всецѣло привязаннымъ къ опредѣленному мѣсту и къ опредѣленнымъ временамъ, всецѣло относившимся къ тѣлу, чувственнымъ, а Господь Іисусъ Христосъ заповѣдалъ поклоненіе Богу въ духѣ. Ученіе Господа Іисуса Христа духовно, потому что по Его ученію важнѣйшее въ человѣкѣ есть его духъ и сердце, а не тѣло и все внѣшнее,—потому что данныя Имъ правила жизни, обнимаемая въ одной заповѣди о любви къ Богу и людямъ, опредѣляютъ именно жизнь духа,—потому что Онъ установилъ служеніе Богу въ духѣ. Господь Іисусъ Христосъ открылъ человѣку великую истину, что Богъ есть духъ, что Онъ не нуждается въ служеніи рукъ человѣческихъ, что Онъ не смотритъ на лица, происхожденіе, внѣшнее положеніе и внѣшнюю праведность человѣка, что Онъ не требуетъ отъ него внѣшнихъ жертвъ, что онъ можетъ открываться только въ духѣ человѣка, что Онъ хочетъ отъ него духовной жертвы—душевной чистоты, милости и любви; во свѣтъ этой великой истины Господь Іисусъ Христосъ научилъ человѣка познать и самого себя,—Онъ научилъ его, что его истинная жизнь не въ тѣлѣ, а въ духѣ. Люди до Христа не знали самихъ себя; они отождествляли себя съ своимъ, внѣшнимъ; они полагали важнѣйшее—одни въ политической славѣ народа, другіе въ силѣ ума и красотѣ, третьи во внѣшней принадлежности къ религіозной жизни богоизбраннаго народа, въ происхо-

жденіи отъ Авраама и въ тщательномъ исполненіи всѣхъ тѣхъ обрядовъ, которыми утверждалась связь каждаго лица съ народомъ, всѣ — во временномъ, тѣловномъ. Но Господь Иисусъ Христосъ научилъ насъ, что предъ Богомъ все внѣшнее можетъ имѣть значеніе только какъ символъ и выраженіе внутренняго, что собственная жизнь человѣка въ его духѣ. Сообразно съ этимъ онъ не придавалъ фарисейскаго значенія внѣшней чистотѣ, соблюденію обрядовъ, но требовалъ отъ человѣка душевной чистоты, любви ко всѣмъ людямъ, служенія Богу въ духѣ. Даже нравственная душевнотѣлесная чистота, которая цѣнится въ христіанахъ столь высоко, что у нихъ, по слову апостола (Ефес. V, 3), блудъ и нечистота даже и именоваться не должны, предполагается въ христіанинѣ не какъ исполненіе закона (Гал. V, 23), а какъ свободный результатъ духовной жизни, какъ говоритъ тотъ же апостолъ: *поступайте по духу, и вы не будете исполнять вождельный плоти* (ст. 16).

Такъ какъ ученіе Господа Иисуса Христа есть духъ, то оно поэтому самому есть истина. Мірскіе люди полагаютъ свою жизнь не въ томъ, что есть дѣйствительная жизнь, а въ томъ, что есть только внѣшній образъ, скоропреходящая тѣнь, и потому ихъ міропониманіе не есть истина; язычскія и даже ветхозавѣтныя правила жизни относились къ тѣлу, къ тѣни, и потому исполненіе ихъ не могло дать человѣку дѣйствительныхъ благъ; богослуженіе не только языческое, но даже ветхозавѣтное было чувственнымъ и потому только тѣловнымъ. Но Господь Иисусъ Христосъ научилъ человѣка видѣть важнѣйшее въ духѣ, который имѣетъ непреходящую дѣйствительность, данныя Имъ правила жизни относятся къ духу и потому сообщаютъ дѣйствительныя блага; вмѣсто символическаго богослуженія Онъ установилъ духовное, которое есть дѣйствительное служеніе Богу, обнимающее всю жизнь человѣка и дѣлающее его участникомъ божескаго естества ¹⁾).

¹⁾ Прекрасное изъясненіе ученія Христа о поклоненіи Богу въ духъ и истинѣ даю Архіепископомъ Димитріемъ въ словѣ въ недѣлю 5 по Пасхѣ (*Полное Собр. проп.* т. III, стр. 57—65), гдѣ мы читаемъ: установленное Христомъ „служеніе Богу“ есть „служеніе духовное и истинное въ отношеніи къ служенію ветхозавѣтному, чувственному и прообразовательному.—Основаніемъ ветхозавѣтнаго богослуженія служили крова-

Какъ духовное и истинное, ученіе Господа Иисуса Христа даетъ человѣку свободу. *Познайте истину*, говорилъ Онъ своимъ слушателямъ, *и истина съдѣляетъ васъ свободными* (Іоан. VIII, 32). Его ученіе даетъ человѣку свободу совѣсти, дѣлая ее изъ немощной сильною (Рим. XIV, XV; 1 Кор. VIII), освобождаетъ его отъ оковъ обрядоваго закона, отъ ига немощныхъ стихій, отъ рабства страху и грѣху и даруетъ ему духъ усыновленія, по которому мы дерзновенно приступаемъ къ престолу благодати, и свободу духовной жизни. Чтобы представить себѣ, съ какою силою господствовали надъ ветхозавѣтнымъ человѣкомъ немощныя и жалкія вещественныя начала, какъ они стѣсняли его совѣсть, подавляли его духовную жизнь, для этого нужно припомнить обличительныя рѣчи Господа Иисуса Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ, которые всѣ дѣла свои дѣлали съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди, которые давали десятину съ мяты, аниса и тмина и оставляли важнѣйшее въ законѣ, судъ, милость и вѣру, оцѣживали комара, а верблюда поглощали, которые очищали внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ какъ внутри онѣ были полны хищенія и неправды, которые надежду свою возлагали исключительно на свое происхожденіе отъ Авраама,—нужно припомнить, что злоба книжниковъ и фарисеевъ противъ Иисуса Христа, приведшая къ Его смерти,

выя жертвы безсловесныхъ животныхъ, которыя, сами по себѣ, не могли ни очищать человѣка отъ грѣховъ, ни примирять его съ Богомъ; тамъ совершались омовенія и крошенія, *кропяція*, какъ говоритъ апостоль, *къ плоти тѣй чистотѣ*, но не очищавшія и не освящавшія душу; тамъ была токмо сѣнь грядущихъ благъ. Кто исполнялъ ветхозавѣтные обряды съ живою вѣрою въ грядущаго Искупителя. тотъ не получалъ благодати искупленія и спасенія, но (токмо) имѣлъ вѣрный залогъ сего спасенія и могъ умирать съ благою надеждою быть участникомъ царства Христова. Не таковы таинства христіанскія: кто пріемлетъ ихъ съ живою вѣрою въ пришедшаго и пострадавшаго за насъ Сына Божія, тотъ самымъ дѣломъ и истиною пріемлетъ благодать избавленія, освященія и спасенія. Всѣ христіанскія священнодѣйствія высочайше духовны, какъ совершаемыя Духомъ Божіимъ, и высочайше истинны, потому что не означаютъ только или предзнамечуютъ, а дѣйствительно сообщаютъ божественную благодать. Здѣсь самая истина благодати Божіей . . . Кто молится Богу духомъ? Тотъ, кто, произнося слова молитвы, произноситъ ихъ не одними устами, а всею душою и сердцемъ . . . Кто молится Богу истиною? Кто, служа Богу участіемъ въ богослуженіи, служить Ему и самую жизнь и дѣлами своими“....

подогрѣвалась, главнымъ образомъ, ихъ привязанностью къ буквѣ закона, къ преданіямъ старцевъ,—нужно, наконецъ, припомнить, какую борьбу пришлось вынести св. апостолу Павлу съ неразумными ревнителями ветхозавѣтнаго обрядоваго закона, чтобы отстоять свободу христіанской религіи. Съ какою адскою настойчивостью эти неразумные служители ветхозавѣтной буквы нападали на новорожденное христіанство, чтобы покорить его обрядовому закону и сдѣлать изъ этой религіи духа простую іудейскую секту, и съ какою выщечеловѣческой твердостью ап. Павелъ противоdѣйствовалъ этому сильнѣйшему и опаснѣйшему врагу христіанства. Какъ высоко этотъ апостоль цѣнилъ христіанскую свободу и съ какимъ усердіемъ предостерегалъ христіанъ отъ старыхъ узъ рабства! *Стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства. Къ свободѣ призваны вы, братія! Только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, но любовію служите другъ другу* (Гал. V, 1. 13). *Если вы со Христомъ умерли для стихій міра, то для чего вы, какъ живущіе въ міръ, держитесь постановленій: не прикисайся, не вкушай, не дотрогивайся,—(что все истлѣваетъ отъ употребленія) по заповѣдямъ и ученію человѣческому?* (Кол. II, 20—22 и др.).

Какъ духовное, какъ дарующее человѣку истину и свободу, ученіе Господа Іисуса Христа даетъ ему жизнь (Іоан. V, 24 и др.). Подъ рабствомъ грѣху, немощнымъ стихіямъ міра, преданіямъ старцевъ—жизнь духа гаснетъ. Ученіе же Господа Іисуса Христа вызываетъ духъ къ жизни и потому призываетъ человѣка къ дѣйствительной вѣчной жизни. Кто исполняетъ ученіе Его, тотъ дѣйствительно живетъ. *Мы знаемъ, пишетъ апостоль, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ* (1 Іоан. III, 14). Поэтому ученіе Господа Іисуса Христа поистинѣ животворно и питательно. „Оно, по прекраснымъ словамъ проф. Амфиатрова (II, 62. 63), насыщаетъ душу точно такъ же, какъ обыкновенный хлѣбъ насыщаетъ тѣло. Поэтому въ св. писаніи Слово Божіе сравнивается то съ медомъ и сотомъ, то съ твердою пищею, съ пивомъ и брашномъ. Слово проповѣдническое есть живая отрасль Слова Божія; поэтому и въ немъ есть сила питанія; оно изъ сѣмени своего не только возраждаетъ душу и даетъ жизнь внутреннему человѣку

нашему, но постепенно и преемственно служить для него пищу и питіемъ, бываетъ нѣжно и мягко, какъ молоко и манна, въ младенчествѣ нашего внутренняго человѣка; бываетъ пищею твердою и сильною въ мужескомъ возрастѣ; бываетъ пивомъ, веселящимъ духъ, въ старчествѣ духовнаго человѣка“.

Слова Господа Иисуса Христа суть истина и жизнь и въ другомъ отношеніи. Они суть истина, потому что открываютъ человѣку истинное міропониманіе, во свѣтѣ котораго онъ можетъ вполне свободно опредѣлять всѣ свои частныя отношенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они суть жизнь, потому что это открытое Господомъ міропониманіе дано намъ всецѣло для примѣненія къ жизни. Онъ не научилъ насъ ничему такому, что имѣло бы чисто теоретическій интересъ, что удовлетворяло бы только нашу любознательность, но Его теоретическое ученіе имѣетъ всецѣло практическія цѣли. Эту именно мысль выражаютъ наши гомилеты, утверждая, что, съ одной стороны, при раскрытіи съ церковной каеедры догматовъ „проповѣдникъ долженъ избѣгать разсужденій отвлеченныхъ и обращать вниманіе преимущественно на практическое значеніе догмата“, съ другой стороны, въ проповѣди „всякое нравственное ученіе должно быть тѣсно соединено съ догматическимъ ученіемъ и утверждаться на немъ, какъ на своемъ основаніи“.

Такъ какъ ученіе Господа Иисуса Христа открываетъ намъ истину и даруетъ намъ свободу и жизнь, то оно весьма исполнено „духовной пріятности и сладости евангельской. Въ чемъ состоитъ сія сладость, это показалъ самъ Спаситель, когда въ синагогѣ Назаретской прочелъ мѣсто изъ книги пророка Исаи: *Духъ Господень на Мяг: ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ, и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать льто Господне благоприятное* (Лук. IV, 18. 19). Благовѣствовательность вообще, т. е. сообщеніе истинъ отраднхъ, духъ утѣшенія для сокрушенныхъ сердцемъ, возвѣщеніе свободы отъ грѣха въ частности, — это дѣлаетъ слово „Боже неизреченно пріятнымъ и сладостнымъ“ (Амфит. II, 59. 60).

Вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе Господа Иисуса Христа въ выс-

шей степени убѣдительно, потому что оно указываетъ намъ на блага, близкія нашему сердцу. Посему о Немъ говорили: *никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человекъ* (Іоан. VIII, 46). Впрочемъ таково ученіе Господа Іисуса Христа только для возлюбившихъ истину; для тѣхъ же, которые болѣе возлюбили тьму, оно есть огонь, воспламеняющій ихъ ненависть. *Ибо всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Бога содѣланы* (Іоан. III, 20. 21). Господь Іисусъ Христосъ не такъ училъ, чтобы для всѣхъ быть пріятнымъ, но чтобы привлечь къ Отцу только тѣхъ, которые отъ Бога, — Онъ не искалъ славы отъ людей и не смотрѣлъ на лица. Онъ пріобрѣталъ Богу чадъ среди труждающихся, обремененныхъ и уничиженныхъ, а не среди знатныхъ, самоправедныхъ и такихъ, которые мнятъ себя видящими. Для послѣднихъ Его ученіе есть соблазнъ и безуміе. Таковымъ оно и должно быть по разуму міра.

Каково было ученіе Господа Іисуса Христа, таково же было ученіе Его святыхъ апостоловъ, такова же должна быть по духу и всякая христіанская проповѣдь. Проповѣдникъ долженъ ставить своею главною задачею—вызвать къ жизни духъ человѣческой, чтобы сдѣлать изъ него жилище Св. Духа, чтобы человекъ жилъ вѣчною жизнью и сталъ причастникомъ божескаго естества. Этой своей задачи онъ не долженъ упускать изъ вниманія никогда, ни при какихъ условіяхъ. Для достиженія этой цѣли ему необходимо противоборствовать всему, что стѣсняетъ и готово поглотить жизнь духа, — противодѣйствовать всякимъ іудейскимъ баснямъ и постановленіямъ людей, отвращающихся отъ истины (Тит. I, 14). Онъ долженъ быть поборникомъ христіанской свободы, заботясь вмѣстѣ и о томъ, чтобы свобода эта не послужила соблазномъ для немощныхъ въ вѣрѣ и совѣсти и не выродилась въ рабство грѣху, и о томъ, чтобы немощные въ вѣрѣ не осуждали своего брата, раба Господня, пользующагося свободою, и не стремились наложить на него бремя своей немощи. Онъ долженъ одновременно бороться и съ безразсудною надеждою на дѣла закона и плоти, не потворствуя никакой благой видимости, какъ-то пожертвованіямъ на храмъ, если ими думаютъ освободить

себя отъ обязанности добрыхъ дѣлъ (Мр. VII, 11 — 13), — и съ тщеславнымъ гностицизмомъ, который склоненъ замѣнить христіанскую жизнь безплоднымъ религіознымъ созерцаніемъ и умствованіемъ, — онъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы каждый до чего достигъ, такъ и мыслилъ и по тому правилу жилъ (Филип. III, 16). Онъ долженъ умѣть различать и учить различать между символомъ и дѣйствительностью въ области религіозной жизни. Всегдашняя склонность человѣка — замѣнить дѣйствительную религіозную жизнь, — жизнь духа, истинный подвигъ, символомъ, обрядовою внѣшностью, теоретическимъ вѣроисповѣданіемъ, чтобы можно было казаться истиннымъ поклонникомъ Божіимъ и въ то же время жить по склонностямъ своего плотскаго сердца. Наконецъ, проповѣдникъ долженъ избѣгать въ своей рѣчи ласкательства предъ мірскимъ разумомъ, долженъ избѣгать искушенія такъ изобразить ученіе Христа, чтобы оно показалось разумнымъ въ мірскомъ смыслѣ этого слова: это значило бы упразднять крестъ Христовъ (1 Кор. I, II и др.). Онъ долженъ привлекать ко Христу духовныхъ, а не душевныхъ. *Душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно* (II, 14).

Закончимъ отдѣлъ о духѣ проповѣди замѣчаніемъ о названіяхъ проповѣди: святая, спасительная, назидательная и под. Наши гомилеты усиливаются обозначать этими названіями отдѣльныя стороны внутренняго характера проповѣди. Но не смотря на свое филологическое различіе, названія эти въ примѣненіи къ проповѣди по существу указываютъ на одно и то же, — именно на то, что проповѣдь, заслуживающая подобныхъ названій, не есть простое чловѣческое слово, но есть передача Слова Божія, имѣетъ своимъ предметомъ свящ. Писаніе, выдерживаетъ духъ ученія Господа Иисуса Христа....

М. Таргевъ.